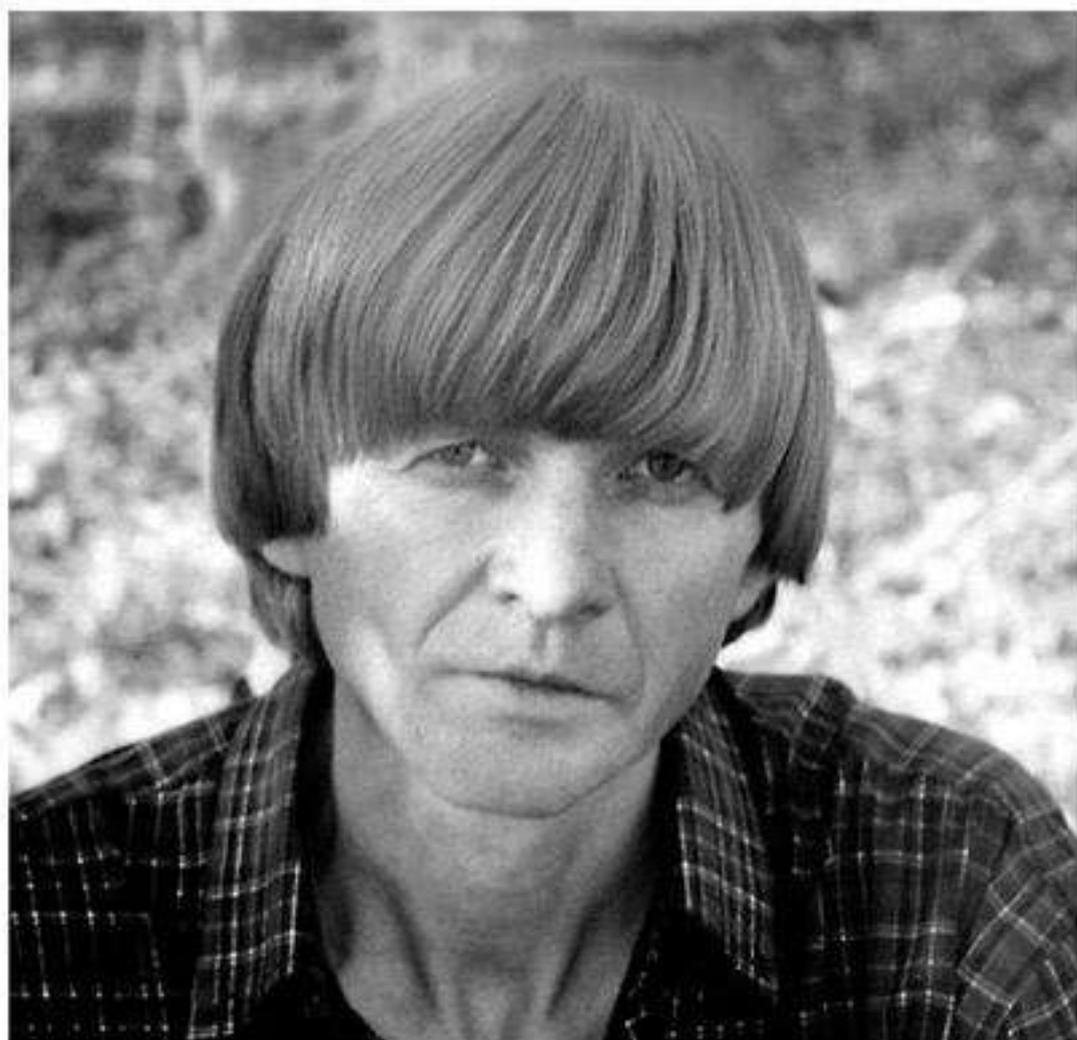

Сергей Гонцов

ВСЁ КРЕПИТСЯ СМОЛОЙ НЕБЕСНОЙ

«Изумительные, тончайшего северного извода стихи Сергея Гонцова, сложившиеся в "псковский" цикл – "веселье духа" и "чудом звучащая речь", поэтическое отражение и отблеск многолетней дружбы с Валентином Яковлевичем Курбатовым», – так я представила подборку, опубликованную в 12 выпуске «Человека на Земле», 25 апреля 2021 года на страничке журнала в Фб. Перечитывая те же строки о весельи духа год спустя, выхватила взглядом не замеченное прежде, ибо не требовалось, не было так больно сердцу, как невыносимо, через край, больно и страшно сейчас:

Начнёшь скликать друзей, – одну чужбину
Окрест найдёшь, а то придёт сама...

Этим внезапным милосердием тешится и врачует тайная душа поэзии – вольные звуки, жасминовый куст, "живой изгиб худого времени".

Татьяна Сурганова, 29 апреля 2022 г.

Сергей Гонцов

ВСЁ КРЕПИТСЯ СМОЛОЙ НЕБЕСНОЙ

ПЕРО

Валентину Курбатову

Нечаянный холод страниц,
Недальнего озера клики, —
Не помню таинственных лиц,
Но знаю великие книги.

Когда золотой фолиант
Уходит в простор мироздания,
Что дивная речь иль талант?
Что мысли живой трепетанье?

Вот чистого духа перо,
И воздух исчерчен алмазом, —
Всё меркнет, и зло, и добро,
Простым облакаясь рассказом.

Всего-то беды, что волна,
Да радуга белая в поле,
Да лёгкая барка на воле,
Над миром, где быть не должна.

ЦВЕТ ВСЕЛЕНСКИЙ

Дни, точно рубище, убоги,
Но так юрода быстрый взгляд
Закат веков – за рядом ряд –
Приводит в крепкие чертоги.

За сотни вёрст от Новуграда,
Вино из чаши расплескав,
Пожар угасит, повесть рада,
Что слишком худ его рукав.

Что он рождён на десятине,
Где встал Елоховский собор,
Всемирной отданный долине
Связать неслыханный раздор.

И здесь, где мерзость запустенья,
Есть цвет, что Бог не уравнил,
А наугад, – с небес ронял, –
Как дар ужасный тайнозренья...

ЧАС ВОЛИ БОЖЬЕЙ

Взгляд отовсюду, дымно-золотой
И влажный, не от смеха, не от слёз,
В нём блеск Вселенной с утренней звездой
И мощный цвет, что дольний вихрь принёс.

А мыслилось, что нет других затей,
Как только ждать стрелы иль похвалы,
Нагих идей, непрошенных гостей,
Чтоб морщить океанские валы.

– Высокое, как облако, влечёт,
Окрестный мрак божественно-глубок,
И век упал, и время не течёт,
И не тверди, что разумом убог.

– Мой одр возьми и ризу подбери,
И целый мир, что создан не трудом,
А волей Божьей, как Скала и Дом, –
Жмёт там, где жмётся, что ни говори...

РИСУНОК ПЕРОМ

Я что-то начертил для древности
Вольнолюбивой, непокорной,
Не из отчаянья иль ревности,
А ради вести чудотворной, –

Что вдруг да явится оттуда
В ответ на вольное посланье —
Откуда-то (да из-под спуда,
Как безысходное желанье).

Кто мне ответит? Да мелодия
Тот гул морской, те звуки бездны,
Как я хотел, на два угодия
Чтоб раздавался шум чудесный.

Да так и вышло, а сверх этого
Я получил рисунок твёрдый
Решётки, Сады дорассветного,
Как плеск Ключа, надрывно-гордый.

Рисунок здешний и таинственный,
И не сказать, как снаряжился,
На тверди – мощной и единственной,
И Там, как Див, но пригодился...

Кастальский Ключ иль Всеединый
Источник Слёз, Веселья, Муки,
Так льдина вслед идёт за льдиной,
Как Аллилуйя, – вдоль разлуки
И поперёк, – вот Путь Срединный...

Да, где-то здесь, переливаясь
На все лады, без изумленья –
Как древность твёрдая, живая,
В растворе Мглы и Становленья...

РАЗРОЗНЕННАЯ ПЛЕЯДА

Под бедственным созвездьем рождены, –
Хранимые Творцом среди пучины,
Они нам подарили – явь и сны, –
И вещей мир, без видимой причины.

Вот связка молний, можно собирать
В другой колчан немислимые стрелы,
И жить, как мыслить, мыслить, как играть
Пучиной мрачной или светом белым.

Всё там забрать, но это – не предел,
Тот лабиринт таинственней и проще,
И, сердце открывая горной роце,
Ты складок земляных не проглядел...

ДРЕВНЯЯ КАРТА

Рыцарь-монах предоставил её
За неизвестную плату,
Меч заодно подарил и копьё,
Как драгоценному брату.

Кто Он? Ты это узнаешь потом.
 Ангел Безчисленных Окон,
 Как-то хранящий Великий Закон
 Зыблемый адским потоком.

Тут письма, а при них времена
 Вроде юдольного праха,
 И наудачу выносит волна
 Вольного, Божьего страха.

Это из Ада плывёт материк,
 Как ты не слышал донныне
 Этот прекрасный и ясный язык,
 В дивной, но адской долине?

И наудачу – неведомо где,
 Ловишь волшебные звуки, –
 Те же и ловят тебя, – по Звезде
 Дикие, гибкие руки.

Это изгибы вселенских затей
 Входят в строенье земное.
 Это свобода от ловчих сетей,
 Знаю, – и здесь всё иное...

Вера, как драхма, из праха блеснёт
 Радостью, волей, страданьем,
 И, расточаясь, немислимый гнёт,
 Зыблется ясным преданьем.

ПСКОВ

Сцены рыцарских времён

Веселье духа, редкостная тьма
 Земли, пустой наполовину, –
 Начнёшь скликать друзей, – одну чужбину
 Окрест найдёшь, а то придёт сама, –
 Дождём обломным, бурей вековой,
 Внезапно просиявшей властью,
 Где целое соизмеримо с частью,
 А часть юродствует сама собой.
 Пучина обмелела, виден Ад,
 Творцом разрушенный сегодня, –
 О преисподней люди говорят,
 Но воля царствует Господня.
 А в камени начертано лучом,
 О жизнь, расцветшая в молитвах!
 «Я сорок рыцарей повергнул в битвах,
 И смерть нашёл под рыцарским мечом...»

***

Столетьем чудным обращённый в Я,

Один стою над бездной бытия.
 Ветвями три долины охватил,
 Корнями два уголья оцепил.
 И только тени сказочные мне
 Венчают мир в глубокой тишине.
 В темнице слов, почти привыкнув к ней,
 Я чую неподъёмный взор камней.
 Над вольной бездной обращённый в Я,
 Послушно знаю, где моя семья.
 Те – сероглазы, эти – синеоки,
 Но милостью Господней – одиноки.
 Вчера, ты помнишь, встретились во тьме,
 Нет, это камень дрогнул на холме.
 На этом камне был запечатлён
 Великий мир, восставший из пелён...

ПСКОВСКИЙ БОР

Соловей свистит Единорогу,
 Но молчит невероятный зверь,
 И огонь выходит на дорогу
 Обретений царских и потерь.

И вода выходит на дорогу
 Прямо из небесного огня,
 Соловей свистит Единорогу,
 На Приволье, – взятом у меня...

Но внезапно сердце – выбирает, –
 Я уже не помню ничего,
 Точно зверь чудесный – умирает
 И певец, окликнувший его...

Правда, это дикое виденье
 Я смету движением одним.
 Непрерывно всеобщное бденье,
 А прерывность – только блеск и дым...

К ВОПРОСУ О МЕРЦАНИИ МИРА

Волшебная книга на тёмном столе.
 Куда я ушёл? Не вернулся когда?
 Никто не ответит на крепкой земле,
 Вот разве Огонь и речная Вода.

Тут Зевса-циклопа могучий Ответ,
 И в этой мелодии, в шелесте льда,
 Тот свет или этот, но разницы нет,
 И льдины гремят, как веков череда.

Тут Зевса-строителя мощный Удел,
И смыслов допрежних избыток живой,
Чтоб цвета вселенского не проглядел
На тверди всевещной и дивно-кривой.

Тяжёлая чара, но дух веселит,
И мира просторней, и выше страстей,
Начертанных тут же, как ясность велит,
Другая, что адских полна новостей.

Да речь не о том, как зачем-то ушёл,
Откуда уйти без желанья нельзя, –
Вот Древо Желаний, вот тёмный глагол,
Признанный вдруг, как живая стезя.

Не всех одинаково любит Творец,
Но каждого больше, как сказочный рок,
Волшебная Книга, но в ней же Дворец,
Божественный Лес с начертаньем дорог...

Вот как я однажды явился туда?
Вопрос без ответа, да тут же в ответ, –
Столетия придут, как живые стада, –
В зловещих холмах изумительный цвет.

ЯБЛОКО

Тут годы учений, странствий, крамол,
Шумят, как божественный сад,
Да вот беда, что внезапный глагол
Велит, чтоб вернулся назад.

Там что-то осталось, чего вот здесь
Не встретишь и не найдёшь,
И песнь чудесная, спетая днесь,
Лишь там заклинает дождь.

Лишь там на лавке сидит дитя
И яблоко держит, как дол,
А тот в столпах молодого дождя
И тайна, и жизнь, и глагол.

Да мало ли что приходит на ум,
Вот здесь, где могучий простор,
А прошлое, дикое, как самум,
Да то Каракорум, то звёзд разговор,
Я – был там. Я – там до сих пор...

ГОРЯТ ЛЕСА, ПЫЛАЮТ ГОРЫ

Я недаром услышал старинный глагол,
 То ли Крепкий велел, то ли ветер принёс
 Этот звук, возвращающий царственный дол,
 Полный дивных мелодий, и крови, и слёз.

Юный голос и блеск удивительных глаз.
 Разве можно ловить эти звуки впотьмах?
 То ли Крепкий велел, то ли вырос из нас
 Этот взорванный мир, точно град на холмах.

Круг земной разогнулся дыханью в ответ,
 Кельтский крест возвратил неразборчивый мрак
 Из старинного ада, – в таинственный цвет, –
 Я не знал, что приволье творится вот так.

О, не надо печалей! Так радость велит,
 И не надо печалей, – но дикий разбег
 Этих дивных небес, – прах земной шевелит,
 И шумит, точно дьявол, начертанный век.

***

Укоренившись в бездне, тут же найдёшь
 Можжевеловый куст – как столп бытия,
 Кувшин, лепёшку, вот шумный как дождь
 Голос Ангела; и дорога живая твоя
 Только начинается, и надо отсесть
 Печаль, что не лучше ты предков своих,
 И ложь, что скудна и насильственна речь,
 И стыд, что тёмн божественный стих;

Но тёмный рокот неодолимой тоски
 И песнь великолепная с белой реки.
 Два голоса дивных, начерно расходясь,
 Два господина, но тут же начертан исход,
 Дьявольский умолкает, раскатываясь и ярьась,
 Не в силах пожрать весь человеческий род.

Это всего лишь невероятная часть
 Мира нетленного, но тут же голос иной
 С быстротой мысли приходящую власть
 Плотью облёк, как лучшей сказкой земной.

ВОЗМОЖНО, В ДУХОВ ДЕНЬ

Как заложник чужого наследья,
 В необъятный и сказочный миг,
 Пробудившись в изгибах столетья
 Ты узрел, что с тобой Проводник.

Он, глазами сверкнувший из мрака,
 Объяснил, что погибнешь один, –

Потому что вселенская драка
Раскатилась до здешних долин.

Всё таинственно, даже неточно,
Ибо мудр и свободен Творец,
Всё устроивший, вольно и прочно, –
А могуч, – Благодарный Мертвец.

Как Его схоронил? И откуда
Он узнал, где скитаешься ты?
Бог помилуй, но этого чуда
Ты просил, как в пустыне воды.

Как во мраке – жемчужного света,
И услышал премудрый Творец,
Этот вопль, что не знает Ответа,
И явился великий Мертвец.

Как Свидетель необщего дела
Или общего, коль не соврать, –
То ль Постумия что-то велела, -
Да, никто не хотел умирать...

Мир нетленный сейчас отозвался.
Да с чего бы? Тут радость иль тьма
Дольних бед? Я-то как оказался
Перед царственной глыбой холма?

Что за звуки? Глубоко и чудно
Дышит мир, или что-то не так?
Я решил, что поверить нетрудно
В этот мерный божественный мрак.

Всё, что тут, на земле безысходной,
Как цветущая ветвь, прошумит,
Возвращается речью свободной
И могучей, как сказочный быт.

Нет, реченье становится цветом,
Белым светом, божественной тьмой,
Мощным Вызовом, дивным Ответом,
Явью храброй и Тайной Самой...

СТОЛБЦЫ О ВЕЩЕМ ПРИМЕРЕ

Красоты на земле ровно столько, что больше нельзя,
Да как раз прибывает, и вольный искус приращенья, –
Твой разборчивый мир! И повсюду, как тайна, стезя,
И в грядущем, и в прошлом ты вряд ли достоин прощенья.

Там – дракона обидел, что горы огнём попалил,

Тут – ключи золотые оплошно забрал у гиганта,
 Пенье Сиринов райских во мгле дорассветной хвалил,
 Да ещё не таил, не жалел, – ни ума, ни таланта.

И в пустыне заметишь доселе неизбранный взгляд,
 И не то чтоб ведёт, безысходно хранит, заграждает,
 Это – выше тебя иль другое, но вровень и рядом велят
 Мыслить, зреть и творить, чтобы видеть, как дух побеждает...

Как вместить невозможное, шумный расскажет поток, –
 Точно связка мелодий, а в ней – эти скифские звуки.
 И, куда ни посмотришь, – с тобой новозданный Восток,
 Власть могучих руин и Творца милосердные руки...

НА СВЯТКИ

Всю ночь мело. Наутро в белый сад
 Мы вышли, как столетия назад.
 В снегах виднелись мощные руины
 Пустой усадьбы, вдруг и шум, и звон,
 Раскинулись – на обе половины
 Извилистых, но царственных времён.

К заутрене в домашней церкви строгой
 И мы прошли сквозь безначальный двор,
 А в низких небесах – луны двурогой
 Таился лик, чтоб вдруг ожить эклогой,
 Иль как-то так, чтоб древний разговор
 Расцвёл внезапно прямо за дорогой.

Священник начерно заметил нас
 В толпе, ему знакомой, как окрестность,
 И, верно, с нами в церковь неизвестность
 Вошла, незрима, как другой рассказ,
 Он нам кивнул, к своим причислив нас
 На всякий случай, скорбно и чудесно.

Я думал, что стоим среди теней,
 Но всё смешалось, много мудреней
 На этом свете, чем представить можно
 Иль угадать, к заутрене пришли
 Все повести таинственной земли
 Вдруг понял я, свободно иль оплошно.

Прекрасная, с Младенцем на руках,
 Вполунаклон, как сказана в веках,
 Она за всех молилась в эту пору,
 После метели, юной и нагой,
 Как даль Вселенной, чтоб открыть простору
 Великий смысл, как зрение, другой...

К ДРУГУ

Но как же с внешней стороны
 Узрел ты мира быстрины,
 Когда захвачен мощным бегом
 Незримых дней и водворён
 В прозрачный мрак, что назван Веком.

– Когда под гул небытия
 Я помнить перестал, кто я,
 Могучий дух, отсюда родом,
 И в сильных небесах, как свой,
 Явился в бездне вековой...

– И вот узнал, что этим ходом
 Дней, лет, веков владеешь ты,
 С ним заодно, как чудным сводом?
 – Ну, ты загнул. Да кто там, что там,
 Но ход всевещной красоты...

Два мира начерно едины,
 И можно угадать, как там
 Мерцают звёзды, из долины
 Встаёт туман, горят рубины
 Углей весёлых, молний длинных
 Огонь предшествует громам...

ДОМ И САД У ДОРОГИ

Тёмная прялка в светлом углу,
 Всемирное колесо, потерявшее ход, -
 Юная Парка выбрала ткань, иглу,
 Пространство мира устраивая наоборот.

Прекрасна и увёртлива, как чистый дух,
 Она тебя сделает тем, кто ты есть, –
 Вся – зрение она, вся – совершенный слух,
 И число великолепное, которого несть.

А когда ты скроешься в тёмных веках,
 Возвращаясь в Коринф или Царьград, –
 Внезапно поймёшь, что её несешь на руках,
 Плачущую, как в парчовом ненастье, – сад.

АЛЕТЕЙЯ

Всё небесной крепится смолой,
 Тёмной геометрией потока
 Вынуто, и твердью удалой, –

Братьев по оружию, от Рога,
 Что сокрыт, но явлен как дорога
 До незримой радости былой...

Мне чужая слава не нужна,
 Разве холод вещею примера.
 Что за притча? Проломилась сфера
 Божьей волей, и звучат слова
 Как-то так, что не уходит вера,
 А вступает в древние права.

Начертанья безупречных знаков, –
 Мы на белом свете не одни,
 И не то, чтоб много тут родни,
 Или чуждых, Творче, сохрани!
 Но великий мир не одинаков.

Доблесть мира – тёмная Дорога,
 Ничего, что начало светлеть.
 Не ловить впотьмах Единорога,
 И ключам печали не звенеть.
 Жар углей дубовых безначален,
 Буйный ветер, – вспыхнут языки, –
 Эти песни в мире не звучали,
 Но печалить сердце не с руки.
 И другое выбрали заране,
 И простор начертанный не в счёт
 Не корабль в пустынном Океане,
 Дух стоокий к тайному влечёт...

РАЗДВОЕННЫЙ ЯСЕНЬ

Эта лира не будет играть,
 Но в неясной гибели мира
 Всё же есть небывалая рать
 И хранящая корень секира.

Это мощный поход вековой
 Тут начертанный в истинном виде;
 Семь дождей и развилок живой
 В чистых струнах, доступных обиде.

Это чудом звучащая речь
 В красоте подорожной сказалась, –
 Тут же зрится сверкающий меч
 И велит, чтобы смерть отвязалась.

Тут приволье иль вещей покой,
 Над которыми гений казнился,
 Наплывают чудесной тоской
 И порядком, что миру не снился...

Вот зелёные листья взялись,
И, чудесней законченной муки,
Дивный миг, где Творящая Мысль
Сеет первые, – вольные звуки.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Я только что вернулся, но откуда, –
Кто б рассказал, и улица тверда
До блеска, вот жасмин широкий,
Я сам его принёс – любовь тому –
Иль скорбь тому, с другого берега
В старинном коробе, в другой ладье,
Чтоб ширился, как тайна, и вот шумит,
И мы друг друга, как собратья, видим.

Как я вернулся иль когда? Я не был
Здесь целый век. А вроде бы ушёл
Не столь давно, без всякого желанья,
Не мысля воротиться. Вот живой изгиб
Худого времени. Да чем же время худо,
Я снова тут, в пенатах, как сказал бы
Не помню кто, но лучше б промолчал,
Да и молчит, присутствуя незримо,
Как тысячи других.
И книги тут на полках, ряд за рядом,
Как сильные полки, и стяги всех имён, –
И свет гуляет в доме, на приволье,
В подсвечнике заглохшая свеча
Не мыслит о печали, да не видно
Со мной тут никого, чтоб рассказать,
И радости своей
Я верить не могу, вот как живой печали
Иль многому ещё, – тут строй другой и лад,
И серафическое тут с премудрым зверьим
Как будто сходятся, да сходятся, чтоб смех
Бессмертия, как свет, наполнил дольний мир,
А горний знает, где с пречудной целью
Я странствовал, не мысля, что вернусь,
Там было много всяческих, что Творче
Когда-то изготовил, – в толк иль впрок, –
И потому сюда от тверди, мне далёкой,
Летит мелодия, какой не слышал прежде,
Но знал, что есть она...

НА ПОСЕВ ЛЕСА

Великолепный старик, что посеял кедровый лес,
Не от старости умер, а взят в небеса, —

Не про него сказано: терпел, страдал, исчез, —
С младенчества поднимающего глаза, —

Вот райского древа пречудный ствол
И чёрно-зеленые развилины лет, —
Время представившего как светлый дол,
Слово представившего как белый свет.

То ли вспомнил Кедрон и Учителя юный лик,
То ли орехами захотел накормить детей,
Смеющихся в небесах, – видящих, как вдали
Он златопёрую рыбу вытаскивает из сетей.

Не Симеон-богоприимец, но Мельхиседек, —
Невероятный старик, несущий из рода в род
Ребёнком —пасхальную свечку, а в ней Реки поворот,
Океан-реки, что правит разбегом Рек...

НЕБЕСНАЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

На Волхонке белой, на Полянке,
На Покровке дымно-золотой,
Не рыдай о барышне-крестьянке,
Не рыдай о церковке пустой.

На обломках древнего порога
Вдруг преткнувшись, понимаешь ты,
Как ловить во мгле Единорога
На приманку вечной Красоты...

Посреди вселенского ненастья
Начертанье светлой полосы.
Что там? Да шекспировские страсти,
Тёмный храм невиданной красы.

ХЛЯБЬ И ТВЕРДЬ

На востоце в Раю пребывает
Птица Сириин, свистит, завывает
Посреди живоносных бесед, –
Ближе к нам Ей пристанища нет, –
Это диво со света сживает.

Но простор, целокупный и твёрдый,
Озаряет Вселенной углы,
Круг земной, Океана валы,
То живой, то причудливо-мёртвый,
Чтобы сказочный голос и гордый
Без ущерба струился из мглы.

Мы должны его слышать хоть краем
Безмятежного слуха, чтоб тут
Показались невиданным Раем
Хлябь и твердь, что оттуда растут,
Вот живём тут и не умираем...
Дни, как Сирины, в бездне поют.

ВАРЯЖСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Дом, возлюбленный мной, девятнадцатый век,
Я уже разгребаю твой дымчатый снег.
Верно, долго ходил я за древней молвой,
На косматые плиты клонясь головой.

Но Твоей красотой повернули к дарам, —
И любимой глаза, и заброшенный храм,
Где животные-птицы из Камня глядят.
Где цветущие ветви от мира шумят.

Дом, возлюбленный мной, златоверхий, святой,
Дай понять, что за тень над твоей высотой, —
Дай понять, что за свет окликает меня
На великих холмах неподъёмного дня...